

Юрий Михайлик

Анна Сон

Конечно, к восьмидесяти годам можно уже и понять, что мир неправилен и справедливостью нисколько не озабочен. В Одессе умерла поэт Анна Сон, я сижу и пишу о ней, и – будь этот мир чуть справедливее – было бы наоборот.

* * *

Настоящих поэтов не бывает много. Тут как в горах – плоскогорья, предгорья, горные системы и, наконец, пики, вершины. Можно себе представить, что на вершинах очень холодно. И очень одиноко. Зато видно далеко.

И хоть расположена Одесса на сближении двух равнин – степи и моря, и гор тут нет никаких, а вот настоящие поэты в Одессе были всегда. В настил. Так что один как бы перекрывал другого. Так настилали борта кораблей – длинными широкими досками, без зазора, чтоб вода не поступала внутрь. И эти деревья, из которых нарезали такие доски, назывались – корабельный лес.

В империи все, что не столица, – провинция. Украина. Обреченное неведение или забвение. С распадом империи столиц становится больше и еще больше окраин, еще больше забвений.

И в самих этих окраинах по законам все той же мировой несправедливости заминались – да и то ненадолго – имена, несущие с собой некоторый момент дополнительной сенсации. Имена же, ценные самими стихами, самым строгим и гордым отношением к творчеству, уходили вглубь или ввысь (а это все равно) и оставались лишь в памяти отдельных ровесников строками или четверостишиями серебряной чеканки...

Их нет уже – тех дощатых кораблей. Но даже глядя на их останки по берегам, угадываешь – вот это они – корабельный лес.

* * *

Поэты как виноград – растут гроздьями. Иногда гроздьями прямого родства. Иногда соединяются и наполняются соками друг друга совсем вроде бы отдельные лозы.

Я знал когда-то таджикского юношу, Шарифа Шукурова, в роду которого по отцовской прямой было пять поколений поэтов. И сам он, изящный, как птица, был поэтом в великой традиции.

В студенческие годы в стенгазете когда-то прочел –

...Когда в небе горит юкагирский огонь,
И горный компас дурит,
Когда скроет пурга от волчьих погонь
Следы оленьих копыт...

Прочел эти звонкие кипплингианские юношеские строки, ощутил их энергетику и традицию и навсегда запомнил. Он учился на геофаке – ну, конечно же, где же еще... Его звали Александр Олейников. И много спустя я узнал, о чем говорили шепотом – он сын Николая Олейникова, замечательного ленинградского поэта, убитого за стихи, запретного на долгие годы, да и само название «обэриуты»

не было известно нам, студентам-филологам, изучавшим историю русской литературы. Росток лозы, пробившийся сквозь бетон.

В Одессе до сих пор существует клан Гордонов. Клан поэтов, прозаиков, художников и опять поэтов... Измаил, Владимир, Гарри, ответвлением – Елена Гассий, Александр Гордон – американо-московский одессит.

Три поколения врачей-поэтов вплоть до Бориса Херсонского.

У нас на глазах возшла тугая лоза – художник, прозаик, поэт Игорь Божко, точный и горький поэт Анна Божко-Стреминская.

И вот клан Лукашей – Сонов. Поэты Владимир, Анна, Павел, замечательный художник и поэт Олег Сон, молодой поэт – сын Олега и Анны – Михаил...

Уверен, что помимо названных мной эти лозы растут еще на многих склонах в Одессе – над морем и в степи... Климат. И почва. Или просто количество солнца...

* * *

В журналистской юности я однажды попал с редакционным заданием на Одесскую джутовую фабрику. Куда там Одиссею...

Работа на джутовой фабрике – адская. Пыльная, вредная, тяжелая... Поэтому на фабрике всегда нужны были работницы. Поэтому фабрика предоставляла общежитие. И все равно текучесть кадров была высокая. Но сами кадры...

Все, что смогло за два столетия произрасти в отвоеванной у турок черноземной украинской степи, все промелькнуло перед нами, все побывало тут. Красавицы казачки и полячки, сербиянки и молдаванки, гречанки и болгарки, и гагаузки (а гагаузы – потомки печенегов, и эта кровь с молоком, возможно, непосредственно от князя Святослава), все девушки окрестных сел и райцентров знали прямой путь в Одессу – через джутовую, там и койку в общежитии дают...

И вот тут, оглушенный и ослепленный, обнаружил я удивительную правду про джутовую фабрику. Ее социальный состав был стратифицирован покруче, чем британский высший свет.

Герцогини королевский крови, леди, графини и баронессы были разделены суровыми законами джутовой и не перемешивались никогда.

Высший джутовый свет ходил на танцы в Дом офицеров. Мечта – танцевать с курсантом и выйти замуж за лейтенанта.

Класс пониже посещал танцплощадку в парке Шевченко. Там было все – от крутых ребят в наколках до обычных студентов и молодых инженеров – и там судьба решалась случаем – как карта ляжет.

Третий же класс – это парк Ленинского комсомола – где девушку выдергивали за руку в окрестные кусты, и попробуй отказать... Перейти из одной страты в другую удавалось не многим...

Потом, через годы, я понял, что все мы – из общежития на джутовой фабрике. Поэты в первую очередь.

Стратификация та же. Кто куда на танцы ходит.

Для кого и почему пишутся стихи?

Смешно. Не так давно группа любителей поэзии составила и выложила в сеть сто любимых стихотворений любимых поэтов. Поэты, как правило, хорошие. Стихи тоже.

Любопытно совсем другое.

Вот Марина Цветаева. Замечательно. Выбор огромен. И что там в списке? «Мне нравится, что Вы больны не мной...»

Борис Пастернак. «Никого не будет в доме...»

И так далее – вплоть до Багрицкого – «Марта, Марта, надо ль плакать»...

То есть не то, что прочитано, а то, что услышано... Положено на музыку и спето.

Вот и танцы в Доме офицеров.

Менее умелые и грамотные – танцуют в парке. Совсем уж темным – успех у таких же темных, местные кустики... Гоп-стоп, мы подошли из-за угла...

Как говорилось когда-то о социалистическом реализме – изложение известных истин на понятном вождям языке.

В великой русской поэзии много замечательных имен. И прекрасных стихов. И удивительных строк.

Астрономы говорят, что если бы все звезды вселенной были видны с земли, небо было бы сплошным сверканием...

А у нас только Большая Медведица – и то, если ее споят...

Итак, выбор сравнительно несложен – потрафить публике, сообщая ей то, что она давно желает услышать. Или просто

изложить набор банальностей. А то и эпатировать читателя та-туировками в неожиданных местах...

Жизнь изменчива – тем и таинственна. И настоящие стихи – всегда таинственны.

Настоящий поэт – стремление успеть, всей жизнью успеть бы высказаться... Кому?

Адресат у больших поэтов один, и даже нельзя сказать, есть ли он там, куда поэт стучится?

Автор пишет, ибо не может не сказать то единственное, что должен, тому единственному, кто, может быть, поймет, но, может быть, и не существует...

Зовите его как хотите – мировой гармонией, космосом, господом, Эйнштейном, Шлезингером, Саваофом...

...Мело, мело по всей земле, во все пределы...

А может быть, то, что поэт хочет сказать, и вовсе собрано из отрывков, кем-то продиктованных тебе сознательно или случайно уловленных тобой среди белого шума в излучениях дальних миров? И если ты не уловишь этот смысл и не соберешь в значимую строку, то больше и некому сделать это...

Анна Сон написала не много стихов. Она знала, кто ее адресат. И понимала, что обращаться к нему нужно уважительно – потому требовательность к собственному слову так высока. Важно быть правильно понятым.

Вот вам и выбор партнера на танцах...

* * *

Работы художника Олега Сона в Австралии существуют в приличном количестве. Их вывозили эмигранты. Художник он, на мой взгляд, замечательный.

Когда-то, впервые попав в его мастерскую, я купил несколько его этюдов. Потом он оформлял – и очень здорово – первую книгу поэтов клуба «Круг» (1991 г.). Потом мне очень понравилась одна картина – двойной портрет прелестных юных женщин – и я спросил робко – сколько она может стоить. Понимал, что немало. Сон смущенно улыбнулся и сказал, что это не продается.

Через несколько лет, узнав о нашем отъезде в Австралию, Анна и Олег пришли прощаться. И принесли в подарок эту работу. Двадцать шесть лет она висит передо мной.

* * *

Они жили скромно, ибо Олег много лет болел и не мог работать. Анна писала редко. И редко откликалась на приглашения публиковаться. О том, что она – из самых лучших, из настоящих поэтов в Одессе, – знала она сама, ее муж и сын, и еще пять-шесть человек. Она была замкнута, несуетлива, и стихи ее таковы – несуетливы и полны внутреннего достоинства. Они написаны единственными простыми словами. И обращены к тому собеседнику, от которого не дождешься похвалы.

* * *

Я знаю их по литературному клубу «Круг». Молодые – и не слишком – поэты когда-то позвали меня – быть руководителем. Это продолжалось двенадцать лет. Каждую пятницу – в бывшем Шахском дворце – над Одесским портом. Человек десять-двенадцать. А то вдруг – тридцать-сорок. А то вдруг – пятьдесят.

Главные свойства клуба – на мой взгляд – беспощадная требовательность друг к другу и взаимное уважение. Эти два качества позволяли гордым, самолюбивым, умным и строгим оставаться вместе, не позволяли амбициям управлять... А еще – они были очень красивыми, и каждый в отдельности, и все вместе.

* * *

Повторяю то, что говорил много раз. Нельзя научить человека быть поэтом. Это – дар.

Быть поэтом – не одно только умение рифмовать, находить нужные слова, и даже не умение создавать свой собственный мир.

Быть поэтом – человек может научиться только сам. Уважая свой дар, выбирая свой мир, свое место в нем, свой единственный голос, свое видение времени и своего, самого взыскательного и требовательного, читателя, к которому и адресуется со своим видением и пониманием мира.

* * *

Конечно, я не желал им этой участи – стать поэтами.

Я их любил. А в судьбах любимых поэтов читал неподъемность, невозможность такой судьбы, угадывал горчайшую цену, которой были оплачены стихи. Даже самые вроде бы легкие, самые вроде бы забавные строки.

Конечно, я хотел, чтобы одесские молодые стали настоящими поэтами.

Они этого хотели. И я с ними.

Потом юность почему-то кончилась. Пошли стихи – зрелые, точные. Пошла судьба.

Настоящая жизнь настоящих поэтов. Горькая, суровая и беспощадная.

* * *

Анна Сон была настоящим поэтом. Я хочу, чтоб наш – все еще наш – город знал и помнил об этом.

